

Н. А. Фатеева

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
nafata@rambler.ru*

**СОЛЮБИ, ИСЧЕЗАЯСЬ, МОЙ НОЧ:
О НЕОЛОГИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ**

Где частица «ся», то забегай вперед, то опаздывая, мешает глаголам быть самими собой.

(Анатолий Гланц)

В статье отмечается переключение интереса с лексико-семантического анализа поэтического текста на изучение его грамматических особенностей. В связи с этим анализируются новообразования, созданные за счет взаимодействия словообразовательного и грамматического уровней языка, которые появились на современном этапе развития поэзии. Специально обсуждаются понятия «грамматического тропа» (И. П. Приходько) и «формотропа» (Н. А. Фатеева), при этом акцент делается на втором термине. С этой точки зрения изучаются неологичные возвратные формы глаголов и другие способы порождения возвратности, императивные формы с нестандартным управлением, случаи появления направленности действия у статических и ментальных глаголов, окказиональные краткие относительные прилагательные, страдательные причастия настоящего времени на *-ем /-им*, образованные от непереходных глаголов; наречия, которые формально образованы от прилагательных, но получают значение, соотносимое непосредственно с существительным; формы наречий от действительных причастий настоящего времени, формы сравнительной степени прилагательных, образованные от существительных и числительных; окказиональные отместоименные дериваты — существительные и наречия. В заключение рассматриваются особые случаи трансформации грамматического рода в современной поэзии.

Ключевые слова: грамматика, неология, грамматические тропы, формотропы, окказиональные формы, девиации, современная поэзия.

В последнее время наблюдается тенденция переключения интереса с лексико-семантического анализа поэтического текста на изучение его грамматических особенностей. Это связано с тем, что и сами поэты стали более подвержены метаязыковой рефлексии, которая заставляет их искать средства экспрессии за пределами

лексического уровня, выходя в сферу грамматики, либо играть на взаимодействии лексического и грамматического уровней.

Начиная с 2000-х гг. поэтика грамматических категорий выходит на передний план при рассмотрении как классических текстов, так и текстов новейшей поэзии (Л. А. Ноздрина, Л. В. Зубова, Н. А. Николина, Е. А. Скоробогатова, Г. А. Хайрутдинова и др.). При этом обнаруживается тенденция к рассмотрению грамматических новообразований не только как «грамматических неологизмов», а как «грамматических тропов» (аллеотет), реализующих изобразительные и выразительные средства грамматики (И. П. Приходько).

В работе «Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики» И. П. Приходько [2007] причисляет грамматические тропы к фигурам, основанным на образном использовании прежде всего морфологических средств. Я в своих более ранних работах [Фатеева 2006: 37–38] пришла к выводу, что можно говорить о так называемых «формотропах»: а именно, в современной поэзии тропы как семантические преобразования перестают играть первостепенную роль, на их место приходят своеобразные «формотропы», в которых транспозиция формы и смысловой перенос порождают единый трансформирующий поэтический «сдвиг». Подобные «формотропы» работают одновременно на всех уровнях текста, при этом процессы словоизменения, словообразования и образования синтаксических конструкций не расходятся по разным уровням языка, а порождают некоторый синтетический тип неологизмов из элементов единого стихового ряда или соседних рядов.

Причем транспозиция формы может реализоваться и на уровне непосредственной записи текста или метаграфемике (графодериваты, особое расположение текста на странице, внутрисловные и межсловные знаки препинания, внутреннее членение слова): ср. текст Анны Альчук, где перетекают друг в друга *голубизна* и *голуби*, *волна* и *воля*, чем создается приращение смысла:

ГОЛУБИзна

Ибисы

Сойки

плещут:

ВОЛ(ю)НА ВОЛ(ю)НА ВОЛ(ю)НА

ВОЛЮ!),

и на уровне порождения словоформ, неологических по своему способу образования и семантической функции в тексте. В своей статье мы обратимся ко второму смыслу так называемых формотропов и рассмотрим те грамматические девиации, которые при взаимодействии со словообразовательным и лексическим уровнями реализуют изобразительные и креативные средства языка.

Прежде всего обратимся к окказиональным возвратным глагольным формам, демонстрирующим подвижность категорий залога и переходности на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей.

Необычные рефлексивные формы глагола встречаем у Валерия Черешни со значением «постепенного убывания жизни», при этом звуковая организация текста с аллитерацией на шипящие «ж» и «ш» создает иконичность высказывания — она передает ощущение внутренней дрожи субъекта:

*Живёшь, живёшь, и обжигаяешься
вдруг ужасом, что не живёшь,
**а потихоньку умираешься
и полегоньку исчезаешься,**
— не человек уже, а дрожь.
<...>
Пока наощупь разбираешься
между «живёшь» и «не живёшь»,
скукоживаешься, смеркаешься,
закатным отсветом теряешься,
дня позолоченного грош.*

В конце же используется безличный глагол *смеркаешься*, который в данном тексте обретает субъекта: а именно, его состояние становится переходным от света к тьме.

Особый интерес представляют и собственно словообразовательные неологизмы, имеющие возвратную форму. К примеру, Надя Делаланд на основании семантического стяжения изобретает компрессивный вариант фразеологизма «метать бисер перед свиньями»: **Бисерясь. Ну и чего же ты бисеришься / перед свиньями, у которых окорока / не ампутированы...** В итоге получается удвоенная форма *бисерясь, ты бисеришься*, вторая часть которой сходна по звучанию с *бесишься*, так что даже ее можно счесть за контаминацию слов *бисер* и *беситься*. Однако контаминации мешает то, что значение глагола *бисериться* сопротивляется медальности, т. е. протеканию действия в самом субъекте, так как имеется предложно-падежная форма, зависимая от этого глагола (*перед свиньями*).

С контаминированной возвратной формой *змеемся* мы встречаемся у Анны Логвиновой. Эта форма по своей сути становится энантиосемичной: в ней семантика смеха сочетается с семантикой зловредности змеи, причем возвратная форма подразумевает симметричность действия:

*Я на зебрах не пишу свое кредо.
Лишь на заячьих листочках капустных.
Мы змеемся каждую среду,
но зато по четвергам нам мангрустно.*

Таким образом, можно констатировать, что в поэтической речи возвратность может получать статус не только словоизменительной, но и словообразовательной категории, а возвратные формы глаголов образуют грамматические тропы, обнажая креативный потенциал таких форм.

Что касается отмеченного нами взаимодействия словообразования и словоизменения, то с этой точки зрения очень показательны случаи, когда поэты, экспериментируя с категорией возвратности, наоборот, элиминируют возвратную частицу у возвратных глаголов. Так, у В. Черешни возникает форма *присниться* с потерянной возвратностью, но зато с возникшей переходностью, что ведет к расщеплению «Я» на субъект и объект:

*Снится сон на краю себя: будто не я —
кто-то другой жил,
тягостно тянется колея;
кто этот сон приснил,
как ты, бедняга, в него попал?*

Возвратность может задаваться не только возвратной формой глагола, но и просто возвратным местоимением. В этом случае возникает тот же эффект раздвоенности «Я», что мы встречали в возвратных формах. Так, к примеру, у Г. Каневского раздвоенность связывается с семантикой потерянности, забывания и, как у Черешни, семантикой сна:

*...я потерял поющего себя
в двенадцатом квартале, когда шел
почти на ощупь к набережным
<...>
рифмующего я себя забыл
на лавочке, там, где служебный вход,
<...>
спящего себя
я той же ночью обогнал во сне
и недоумевал, шагая в небо,
зачем он так плетется, почему
я не могу слегка замедлить шаг
и подождать, растяпа.*

Данная коллизия расшифровывается в тексте Н. Делаланд, где вопреки Декарту семантика разъединения мысли и существования выходит на передний план:

*Я думаю. Тише. Тссс! Тише, я мыслю,
но не существую — расстаться так просто,
расслабиться, словно осенние листья,
и падать, ронять, **разбивать себя**, осень.*

В текстах Н. Делаланд также происходит акцентуация возвратного местоимения в фразеологизированном контексте, где *себя* становится полнозначным словом: *Я себя чувствую плохо. А ты меня?* У того же автора существуют

контексты, где субъектом возвратного действия является не лицо, а природное явление, подвергающееся персонификации: *Господи, помилуй снег, / красоту всю и нелепость / сущего, в его лице / падающего идущего- / го собой по улице.*

В поэтическом языке нашего времени наблюдается и особая тенденция образования глагольных форм императива, в которых слово- и формообразование взаимодействуют друг с другом. Так, П. Андрукович образует необычную глагольную форму «солуби», обозначающую приглашение к совместному действию: *солуби воздух с / кем-нибудь, кто / который / это сотворит / потом потом / задышит рыбка часто.*

При этом существуют и формы императива, в которых новое значение обусловлено необычным управлением. Чаще всего это связано с появлением прямого объекта, что делает непереходный глагол переходным. Такие формы могут встраиваться в ряд стандартных императивов, как у Веры Полозковой (*Помолчи меня, поличи меня, поотмаливай. / Пролей на меня прохладный свой взор эмалевый. / Умой меня, замотай мне повязкой марлевой / Дурную, неостывающую бабку*), а могут быть и единичны, как у Анны Глазовой (*как мак и как память, замолчи меня*), но в том и другом случае в них обнаруживается семантика каузации. Интересно, что такое же явление наблюдается и с глаголом *спать* в повелительной форме, при том что каузация «сна» вряд ли возможна: ср. *Не спи меня Не усыпай меня / Я сам засну засну в сновиденье* (В. Строчков); *Спите, листья, осень, спи нас* (Н. Делаланд).

В случае же, когда мы имеем дело с переходным глаголом, необычным в позиции прямого объекта наличие субъекта, самого продуцирующего высказывание: *Изживай, изживай же меня, бессмертный мой — / Так, как я тебя / изжила* (В. Полозкова); *Забывай, забывай обо мне, душа моя. / Ампутируй себе меня* (В. Полозкова).

Необычную форму управления обнаруживаем и у окказионального глагола *вмирать* у Е. Шварц, который благодаря приставке *в-* приобретает исходно ему не присущую семантику направленности «вовнутрь», закрепляющуюся падежными формами винительного падежа с предлогом *в* (*в тебя, в смерть*):

*Смерть — море ты рассвета голубое,
И так в тебя легко вмирать —
Как было прежде под водою
Висеть, нырять,
Разглядывая призрачные руки
И тени ног, —
Так я смотрю сквозь зелень, мглу разлуки
В мир — как в песок.*

Необычная направленность действия¹ появляется и у глагола *жить* в поэтическом тексте Сергея Ивкина, однако точка назначения этого действия остается неопределенной благодаря субстантивированному наречию *никуда*:

¹ О таких явлениях в поэтической речи писала Л. В. Зубова [2009] в статье «Глагольная валентность в поэтическом познании мира».

*Лишь осознав: человек — золотая пыльца,
можно смириться, прорехи латая.*

*Да, я — всего лишь — пыльца,
но пыльца — золотая.*

**Я буду жить
в никуда,
не теряя
лица.**

Необычную приставку и форму глагольного управления находим и у Олега Пашенко, где в контексте стиха ментальный глагол *помнить* приобретает направленность «наружу»: *Свет электрический, золотой. / Он возвышается как пирамида над столом / с алкоголем, или без / алкоголя, только сидели / и никак ничего не могли / выпомнить из этой мглы.*

Интересен в этом отношении контекст Н. Азаровой, которая заменяет форму *забыться* на *забыть в себя*, подчеркивая обратную направленность действия вовнутрь и одновременно образуя девиантные краткие формы прилагательных:

*заснуть — забыть в себя тяжелую таблетку легких
снов русский юль и русский юнь
день — зноен — летен — и срединн
диванн — впадением в болезнь*

Так, мы подходим к тому, что полем для поэтического эксперимента оказываются также окказиональные краткие прилагательные, прежде всего относительные. Вспомним, что сначала М. Степанова образует целый ряд кратких прилагательных от названий дней недели (*День понеделен, вторничен, срединн, / Чист как паркет, пока не наследим*). А несколько позже в цитируемом стихотворении Н. Азарова расширяет эту парадигму — в нее попадают также неологизмы *летен* и *диванн*, характеризующие знойный день. Подобные же формы встречаем у А. Костинского: *Небосвод одновременно зимен, летен и осен.*

Интерес с точки зрения словообразования и формообразования представляют и страдательные причастия настоящего времени на *-ем /-им*², когда они образуются от непереходных глаголов. Так, в стихотворении «Тост» В. Гандельсмана находим субстантивированное причастие *летимый*, которое, видимо, означает ‘тот, кого подвергают лёту’:

*Стоит выпить ради мысли быстрой всякой,
ради происка ее неуследимого, —
наливай, мой колокольчик, звякай, звякай!
За летящего, а в сущности — летимого!*

² О них ранее писали Л. В. Зубова [2013] и Н. М. Азарова [2010].

У Н. Делаланд обнаруживаем субстантивированное причастие *веримый*, составляющее рифму с *любимый*, значение которого можно истолковать как ‘тот, кому верю’:

*Я могла бы стать деревом
и стоять, как дубина,
триста лет, мой любимый,
ты мне веришь, мой **веримый**?*

Обращают на себя внимание и наречия, которые формально образованы от прилагательных, однако по своей семантике являются окказиональными и нередко получают значение, соотносимое непосредственно с существительным. Так, прилагательное *шляпный* никак нельзя считать мотивирующим словом для *шляпно* у Андрея Костинского, как и *эмбрионный* (при существующем *эмбриональный*):

*И, влекомый занебьем, заземленья забвенья снимаю **шляпно**.*

*И **эмбрионно** на УЗИ
луна полна над лункой.*

Не менее окказиональными оказываются и формы кратких прилагательных от действительных причастий настоящего времени. В стихотворении Н. Азаровой они образуют целую парадигму в финальной позиции и придают всему тексту аллитерацию на *и*:

*щеки **цветуци**
тело **шагающе**
и **летаще***

С подобным звукопорождающим, но уже оноματοпоэтическим эффектом мы имеем дело и в тексте В. Гандельсмана, где представлены наречия, образованные от причастий:

*Сначала **полунастоящий**
и **путающийся** в плюще,
потом **лепечуще летащий**,
лепечуще, щебечуще...*

Интерес вызывают и формы сравнительной степени прилагательных и наречий, образованные от существительных, числительных, а также от любых прилагательных, которые в обычном языке ее не образуют.

Удивительные формы сравнительной степени прилагательного, образованные от существительного *дрова*, находим у А. Еременко: *Колю дрова / напротив*

бензоколонки. / Меня смущает столь откровенное сопоставление / полена, поставленного на попа, / и «кола» в «колонке». / Я пытаюсь вознать между ними клин, / я весь горю, / размахиваюсь, <...> Но с каждым ударом меня сносит влево, / и я становлюсь все **дровее и дровее**.

Н. Азарова же для своей поэтической зарисовки выбирает *море, ветер и горы*, которые начинают различаться по степени проявления признака: *лезут подгоревшие сумерки / еще **морей** / еще **ветрей** / еще **горей** / куда уж*.

У В. Полозковой даже находим сравнительную степень прилагательного, образованного от числительного *один*:

*Я **однее** тех, кто лежит, застигнут
Холодом на улице: я слабак.
Я **одней** всех пьяниц и всех собак.*

Существует также и форма сравнительной степени от прилагательного *одинокий*. Ее мы встречаем у В. Черешни наряду с другими окказиональными образованиями:

*В этом просторе надышанном
Днем ли, тягучею ночью ли,
Кем бы ты ни был услышанным,
Можно ль еще **одиначее**?*

*Можно ль еще **одичалее**
Глубже вдыхать и **любимее**
Воздух, который печалили,
Столько родного без имени?*

Отличительной чертой современной поэзии является то, что образование дериватов может происходить от таких частей речи, которые ранее не были подвержены словообразованию. Это в первую очередь касается местоименных основ. Первенство в этом отношении, видимо, принадлежит Г. Айги: у него мы находим *чтотость, никакойтость, никчемность, нечтость*. Подобные образования специфичны и для В. Полозковой. Так, мы уже писали о таких новообразованиях, как *бестебье, тебядефицит, тебяголик, чьятость, твоязнь*, одно из которых — «Чьятость» — даже становится заглавием цикла, смысл которого разъясняется в тексте строками стихотворения «Оглушительная твоязнь»: *Лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная **чьятость**. / Долгожданная, оглушительная **твоязнь** [Фатеева 2016].*

Оригинальное образование находим и у Н. Делаланд, оно создано присоединением приставки *недо-* (обычно присоединяющейся к глаголам и придающей им значение неполноты, недостаточности действия) к относительному / вопросительному местоимению *где*: *Для чего пришел / солнышком из-за штор / голеньким, как сокол, / в сердце оценка — кол — / за недожитый день, / где теперь? **Недогде**.*

Еще более необычное образование от указательного местоимения находим у Н. Азаровой — *нездесье*, образованное по типу *полесье*, *поднебесье*, т. е. существительных локативной семантики:

севера-имитация
желтой-о-солнце-вести
в-нездесьи
воздухом-отлетают
морфоз-мета
южным-неведом-ужас

Рассмотрим также, как в поэзии ведет себя классифицирующая категория рода существительных³. Ее относительная подвижность позволяет говорить о том, что она заключает в себе большой образный потенциал. Большинство примеров по трансформации категории рода связано с омонимичными финалями мужского и женского рода на мягкий знак. Мы уже разбирали такие примеры, как *дерзкая зверь* у А. Вознесенского, *лесов таинственный осень* у Н. Делаланд, *моя дождь*, *тихая тополь*, *ноч* без мягкого знака у Александра Месропяна. На омонимии окончаний женского рода и множественного числа на *-а* строится транспозиция рода у собирательного существительного *снега*: *выпала снега — она устала* (Н. Делаланд) [Фатеева 2017].

Теперь мы хотим коснуться другого аспекта — как поэты борются с тем, что родовое значение не совпадает с образным представлением, требующим соотнесения с противоположным полом. В тексте данное явление специально обыгрывается в метаязыковом плане. Обнажение этого приема находим в шутовском стихотворении Максима Бородина, где игра строится на желании женщин называться словом *поэт*, а не *поэтесса*, что порождает ненормированное согласование:

Подарил свою книгу поэту Ю.
Надписал:
«самой красивой поэту...»
Почувствовал покалывание в сердце.
Опять орфографическая ошибка
всей моей жизни?

Т. Кибиров в стихотворении «Задушевная беседа» иронически играет на том, что постоянный женский адресат поэзии очень трудно назвать иначе, как именами мужского рода (*предмет*, *объект страсти*), и из-за этого возникают сложности в его опознании:

³ О подвижности категории рода в современной поэзии см. работу Л.В. Зубовой [2010]; а также [Богатырева 2008].

Предмету страсти я сказал:
«Послушай-ка, предмет!
Не я ль тебя одушевлял
В течение стольких лет?

Я душу вкладывал свою
В бездушную тебя!
И что ж? Теперь я слезы лью,
Всю душу погубя!»

Но возжеления объект
Резонно отвечал:
«А кто просил, чтоб ты, субъект,
Меня одушевлял?

Давно и без тебя, глупец,
Бессмертной и живой
Душой снабдил меня Творец.
Не стой же над душой!»

Одновременно идет игра на «одушевлении» объекта, когда имеет место осцилляция между грамматическим и лексическим (*вкладывать душу*) значением этого термина.

Вере Павловой приходится трансформировать род существительных в соответствии с теми образными представлениями, которые возникают в структуре текста. Так, поэтесса в поисках сексуализации телесности отказывается от среднего рода лексемы *тело* и придает ей свойство «женскости», называя тело *умницей, подружкой* и *красавицей*, и вводит согласование по типу женского склонения (*красавице моей, послушной, чуткой*):

Время измерения
тоже следует учесть:
26 умнице моей —
ибо тело мое не среднего рода —
красавице моей, послушной, чуткой...
Подружка! Кто научил тебя
вовремя поднимать ножки и,
кончая, кричать, окликать
отлетающую душу?

Таким образом, мы наблюдаем, что в стихе все чаще возникают не только словообразовательные, но и грамматические, шире синтаксические неологизмы. Образование новых языковых форм определяется не только процессами

словообразовательной мотивации, но и трансформацией и совмещением грамматических категорий, что по сути является отражением изменчивости свойств всех сущностей реального мира.

Литература

Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу. М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.

Богатырева О. Л. Креативный потенциал категории рода в современном русском языке. АКД. М., 2008. 23 с.

Зубова Л. В. Глагольная валентность в познании мира // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник материалов Международного научного семинара. Отв. редактор Н. А. Фатеева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 39–55.

Зубова Л. В. Неузальные страдательные причастия настоящего времени // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. Сборник материалов конференции 9–12 апреля 2013 года. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–102.

Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html>

Приходько И. П. Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики. АКД, Ростов-на-Дону, 2007. 25 с.

Фатеева Н. А. Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков. М.: Изд-во Вест-Консалтинг, 2006. 160 с.

Фатеева Н. А. Языковые девиации в аспекте креативности (на материале современной русской поэзии) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №4. С. 44–48.

Фатеева Н. А. Грамматические тропы как проявление языковой креативности в поэтическом тексте (на материале современной поэзии) // Грамматические исследования поэтического текста. Материалы международной научной конференции (7–10 сентября 2017 года). Петрозаводск, 2017. С. 26–29.

N. A. Fateeva

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
nafata@rambler.ru*

LOVE TOGETHER, DISAPPEARING, MY NIGHT: ABOUT NEOLOGY IN POETIC GRAMMAR

The article marks a change of interest from the lexical-semantic analysis of the poetic text to the study of its grammatical features. In connection with this neological forms

created due to the interaction of the word-formative and grammatical levels of the language are analyzed which appeared at the present stage of the development of poetry. Specifically the concepts of the «grammatical tropes» (I. P. Prihod'ko) and «formotropes» (N. A. Fateeva) are discussed with emphasis on the second term.

From this point of view neological reflexive forms of verbs and other ways of generating reflexiveness are studied, imperative forms with non-standard government, cases of the emergence of directional effect in static and mental verbs, occasional short relative adjectives, passive present participles formed from intransitive verbs; adverbs which are formally derived from adjectives, but receive a meaning that is directly related to the noun; adverbs formed from active present participles, forms of comparative degree of adjectives formed from nouns and numerals; occasional pronominal derivatives — nouns and adverbs.

In conclusion, special cases of transformation of the grammatical gender in modern poetry are considered.

Key words: grammar, neology, grammatical tropes, formotropes, occasional forms, deviations, modern poetry.

References

Azarova N. M. *Yazyk filosofii i yazyk poezii — dvizhenie navstrechu* [The language of philosophy and the language of poetry — the movement towards each other]. Moscow, Logos / Gnozis, 2010. 496 p.

Bogatyreva O. L. *Kreativnyi potentsial kategorii roda v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk. [The creative potential of the category of the genus in modern Russian. Author's abstract of the cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2008. 23 p.

Fateeva N. *Otkrytaya struktura. O poeticheskom yazyke i tekste rubezha XX–XXI vekov* [Open structure. On the poetic language and the text of the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2006. 160 p.

Fateeva N. A. [Language deviations in the aspect of creativity (on the material of contemporary Russian poetry)]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2016, no. 4, pp. 44–48 (In Russ.).

Fateeva N. A. [Grammatical tropes as a manifestation of linguistic creativity in a poetic text (on the material of contemporary Russian poetry)]. *Grammaticheskie issledovaniya poeticheskogo teksta. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (7–10 sentyabr'a 2017 goda)* [Grammatical studies of the poetic text. Materials of the International Scientific Conference (September 7–10, 2017)]. Petrozavodsk, 2007, pp. 26–29. (In Russ.).

Prihod'ko I. P. *Alleotety: kognitivnoe sodержanie i lingvopragmaticheskie kharakteristiki*. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk [Alleotets: cognitive content and linguopragmatic characteristics. Author's abstract of the cand. phil. sci. diss.]. Rostov-na-Donu, 2007. 25 p.

Zubova L. V. [Verbal valency in the cognition of the world]. *Yazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara*

[Language as a mediator between knowledge and art. Collection of materials of the International Scientific Seminar]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009, pp. 29–55. (In Russ.).

Zubova L. V. [Unusual passive present participles]. *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsiona'noi grammatiki. Sbornik materialov konferentsii 9–12 aprelya 2013 goda* [Verbal and nominal categories in the system of functional grammar. Proceedings of the conference of April 9–12, 2013]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 97–102 (In Russ.).

Zubova L. V. *Kategoriya roda i lingvisticheskii eksperiment v sovremennoi poezii* [Category of the gender and linguistic experiment in modern poetry]. Available at <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html> (accessed at 01.04.2018).